

*Рецензии***Я НИКОГДА ГЕРОЕМ НЕ БЫЛА...**

Отклик на книгу:

Ольга. Запретный дневник. Дневники, письма, проза, избранные стихотворения и поэмы Ольги Берггольц. – СПб.: Азбука-классика, 2010. – 544 с.

Т. М. Колядич

Наши размышления родились благодаря книге об Ольге Берггольц «Ольга. Запретный дневник», куда вошли её дневники, письма, проза, избранные стихотворения и письма. Своеобразный однотомник, вобравший хронику её жизни, редкие фотографии и документы, в частности, её следственное дело, сохранившуюся в архиве писавшей о ней Н. Банк вёрстку книги «Узел» с авторской и цензурной правкой, а также воспоминания об О. Берггольц. Большинство материалов публикуется впервые.

В памяти переживших Великую Отечественную войну О. Берггольц осталась Голосом осаждённого Ленинграда. Как она писала:

Я никогда героем не была,
не жаждала ни славы, ни награды.
Дыша одним дыханьем с Ленинградом,
я не геройствовала, а жила.

Простые и проникновенные строки её стихов запоминались и оставались в памяти. Формы письма, обращения, лирического стихотворения оказались необычайно востребованными, наряду с агитационными стихами, песнями-призывами, маршами, и, возможно, даже больше, поскольку фиксировали те переживания, чувства, которые испытывали многие:

Для того чтоб жить в кольце блокады,
Ежедневно смертный слышать свист —
сколько силы нам, соседка, надо,
сколько ненависти и любви...

Представляя стихотворение О. Берггольц, составители цитируемого сборника избрали интересную манеру, поместив перед «Разговором с соседкой» небольшой комментарий: «Пятое декабря 1941 года. Идёт четвёртый месяц блокады. До пятого декабря воздушные тревоги длились по десять-двенадцать часов. Ленинградцы получали от 125 до 250 граммов хлеба». Стихи начинают звучать как документ времени: «...бедный ленинградский ломтик хлеба — // он почти не весит на руке...»

В одночасье автор детских книжек и стихов становится поэтом, олицетворяющим стойкость Ленинграда. Недавно мы отмечаем 100-летие со дня её рожде-

ния (она родилась 15 мая 1910 г.), отдавая ей дань, как и те, кто принял решение поместить её строки «Никто не забыт, и ничто не забыто» на стены Пискаревского кладбища, чтобы они стали своеобразным памятником павшим. Они назвали О. Берггольц «ленинградской Мадонной», «голосом Города». Её чтили, как «чтут блаженных, святых» (Д. Гранин).

Творческий путь О. Берггольц традиционен для её времени, только время её комсомольской молодости было особенным. Первое её стихотворение появилось в стенгазете фабрики «Красный ткач», где в амбулатории работал её отец, в январе 1924 г. и называлось «Ленин». Газетная публикация состоялась спустя год в «Ленинских искрах»: «Песня о знамени». Как она позже писала: «Мы не изучали жизнь, а жили общим подъёмом в стране».

В 1926 г. она приходит юнкором в одну из ведущих литературных групп ленинградских писателей «Смена», входившую в ЛАПП (Литературную ассоциацию пролетарских писателей). Тогда её возглавлял широко известный поэт В. Саянов. Впоследствии станут известными многие имена членов группы — Г. Гора, Л. Рахманова.

Там О. Берггольц встретила своего будущего мужа, поэта Б. Корнилова. Народной станет его «Песня о встречном»: «Не спи, вставая, кудрявая! // В цехах звеня, // Страна встаёт со славою // Навстречу дня». Вместе с Б. Корниловым она учится на Высших курсах при Институте истории искусств, где преподают Ю. Тынянов, Б. Эйхенбаум, И. Соллертинский. Она слушает выступления В. Шкловского, приезжавших из Москвы В. Маяковского и И. Уткина. Своё образование заканчивает в Ленинградском государственном университете.

Настроения времени определяют её дальнейшую судьбу. Расставшись с Б. Корниловым и выйдя замуж за однокурсника Н. Молчанова (он умрёт от болезни и голода в Ленинграде), по комсомольской путёвке она уезжает в Казахстан, ездит по глубинным районам как разъездной корреспондент газеты «Советская степь».

Одновременно пишет стихи, очерки, рассказы, Несмотря на тяжёлые бытовые условия, сохраняет радостное мироощущение, хотя в её стихах встречаются и печаль, и грусть, ведь одна за другой уходят из жизни её дочери («Майя», 1933, «Память», 1934, «На Сиверской, на станции сосновой», 1935). Общее настроение соответствует времени: «Прекрасна жизнь, // и мир ничуть не страшен, и если надо только — вновь и вновь // мы отдадим всю молодость — // за нашу // Республику, работу и любовь» («Порука», 1933).

Ещё в начале своего творческого пути на заседании Союза поэтов О. Берггольц прочитала своё стихотворение «Каменная дудка» в присутствии К. Чуковского. Жизнь сводила её с известными детскими авторами. Редактор первых детских книг О. Берггольц С. Маршак познакомил её с М. Горьким, также напутствовавшим её на дальнейшее творчество. В 1930 г. выходит её детская книжка «Зималето-попугай», а первая «взрослая» поэтическая книга «Стихотворения» — в 1934 г. (редактором становится Н. Тихонов). Поэтический взлёт О. Берггольц пришёлся именно на 30–40-е годы.

Позже она признается, что было «много у нас тогда лишнего, был и догматизм, и чрезмерная прямолинейность, и ошибочные увлечения... но не было одного — равнодушия». Удивительно слышать от человека, ведь она прошла через арест, реабилитацию, смерть первого мужа, гибель во время следствия, а затем в тюрьме не рождённых детей, арест и высылку отца. И продолжала писать стихи — цикл «Испытание» (1939). В цикле «Родина» своё отношение: «Не искушая доверья моего, // Я сквозь темницу пронесла его».

Стихи начинают писаться в стол, тема любви была не ко двору, оставалась для себя, и у О. Берггольц возникает такой же психологический роман, как и у А. Ахматовой, подвергнутой в 30-е годы порицанию за личное в поэзии: «О да, я иная, совсем уж иная! // Как быстро кончается жизнь...// Я так постарела, что ты не узнаешь, // А может, узнаешь? Скажи!» Появление риторических конструкций — примета динамичного и трагического времени. Но повествовательная интонация оставалась, и она проявилась и в военное время.

Тогда она создаёт, кроме стихов, поэмы «Февральский дневник» (1942), «Ленинградская поэма» (1942), поэму-реквием «Память защитников» (1944). Пробует себя в форме пьесы «Они жили в Ленинграде» (1944), «У нас на земле» (1947). Киносценарий «Ленинградская симфония» был написан с Г. Макогоненко, ставшим её спутником. С ним она встретилась в Радиокomitee.

Не только город, но и его жители были необычайно дороги для О. Берггольц. Многочисленные зарисовки разбросаны по её письмам: «Это, как и сотни квартир в Л-де, — вымершая квартира. Её хозяин, какой-то киноактёр, убит на фронте, брат его умер зимой. В моей комнате, — она же наша спальня, роль, книжный шкаф с книгами, который человек подбирал, видимо, специально... и шкаф, который был набит разным домашним барахлом...» О своём состоянии: «Мой быт накладывался на чей-то чужой, потухший, умерший быт... И я лишена своей квартиры, своей прежней жизни...»

Удивляет смелость автора, не побоявшегося открыто говорить, пусть и самой себе: «Это человек, отдавший всю жизнь партии. Мотивировок к осуждению нет даже юридически сколь-нибудь основательных. Произвол, беззаконие, и всё. О, как подло». «Сталину не жаль нас, не жаль людей. Вожди вообще никогда не думают о людях».

Необычайная открытость О. Берггольц стала прологом к появлению её «Дневных звёзд», открывших новое направление — «лирическую прозу», хотя в ней сильно не только исповедальное, но и эпическое начало. Ведь о столь многом нужно было рассказать, оживив прошлое и воздав память умершим, в первую очередь отцу, удивительному врачу и человеку. Обобщение проявилось в её стихах: «В те дни исчез, отхлынул быт. И смело // В права свои вступило бытие». Трагический образ человека-победителя выразился в поэтических сборниках «Узел» (1965) и «Память» (1973).

С конца 30-х годов писала сборник стихов «Узел», в нём проявилась открытая дневниковая манера, прямые обращения к читателю, необычайная исповедальность. И все эти качества оказались необычайно востребованными в период

оттепели, когда литература возвращалась к психологизму, сложным неоднозначным характерам.

Новый этап в литературе и новый период творчества О. Берггольц совпали. Её можно считать и поэтом оттепели. Предложив иную структуру, О. Берггольц помогла становлению «прозы поэта», для которой характерны открытая структура, ассоциативно-хронологический способ организации. Одно переживание рождает другое, когда автор вспоминает о бомбёжках: «И вся жизнь моя вдруг распостёрлась передо мной. И с немислимой стремительностью, которую не в силах обрести слово, катились сквозь душу картины всей моей жизни и жизни моей родины». «Нет, я не вспоминала, я ж и л а тем, что было, есть, будет. Эти воспереживания были внезапны, отрывочны, разбросаны и в то же время слиты в единый сплошной поток...»

Время представляется авторам «лучевым потоком», собирающим всё вместе (О. Берггольц): «Папа был на войне, — война с Вильгельмом всё шла и никак не могла кончиться, и папа больше не приезжал к нам после того единственного раза, когда привозил каску, и мы уже стали забывать его, какой он на самом деле». В памяти остаются детали и, конечно, запахи, звуки: «...воздух был напоён горячим дыханием сосновой хвои и смолы, и струился нежнейший запах нагретого песка у взморья». Всегда говорят, что ранние впечатления самые яркие и стойкие. Но воспроизводят их только художники слова.

Детские впечатления перемежаются со слухами, разговорами, подслушанными репликами взрослых: «В Петрограде была огромная манифестация фабричных». «Это Ленин их поднял». «И вот в воображении возник сказочно сильный и бесстрашный Ленин, человек, за которым идут все фабричные». Возникает картинка, образ заводов, «дрожащее, угрюмое зарево над ними всегда было видно из окошек нашего дома по вечерам».

Точность и конкретность, отчасти фактографичность, не случайно в «Попытке автобиографии» она пишет, что в её «произведениях с юности ничего не было недостоверного, не взятого из жизни».

Однако всей правды о происходящем говорить не давали, и вторая книга «Дневных звёзд» не была опубликована. Дневниковые записи после смерти поэта конфисковали. И только благодаря самоотверженности семьи её архив постарались сохранить.

«Вечным черновиком», где главным остаётся логика эмоций и движение сердца, называла свою прозу О. Берггольц. И полагала: «О многом, чрезмерно многом надо писать, необходимо описать, пока оно не забыто». После смерти М. Зощенко: «Я ни в чём не могу упрекнуть себя по отношению к Михаилу Михайловичу. Не только ни словом, ни делом не предала его в катастрофические дни 46-го года, восприняла это как личную катастрофу, чем могла, старалась согреть. В позапрошлом году, после XX съезда, первой и, кажется, единственной ринулась в драку за него, говоря о необходимости пересмотра знаменитого постановления и доклада Жданова и отношения к Зощенко вообще».

Не отрѣкшаяся от своих ленинградских коллег, О. Берггольц не была прощена властями, её исключили из «Правления, редсовета издательства». Осуждалась тема страдания, воспетая в её «блокадных стихах», её книга «Говорит Ленинград» изъята из открытых фондов библиотек и отправлена в спецхран, набор юбилейной книги «Встреча» рассыпан (она не согласилась с изъятием ряда стихотворений).

Внешне многое казалось благополучным: она получила медаль «За оборону Ленинграда», Сталинскую премию за книгу «Стихотворения и поэмы», где пришлось вставить стихотворения о вожде, выходят книги о её творчестве. Образцом поэтического кинематографа становятся «Первороссияне» (1967) и «Дневные звёзды» (1968).

И в последние годы О. Берггольц не скрывала своих взглядов, выступала в защиту традиций русской лирической поэзии, основанной на личном, индивидуальном мировоззрении. Как только смогла, выступила вновь в защиту А. Ахматовой и М. Зощенко, написала очерк для подготовленной книги Б. Корнилова «Стихотворения и поэмы».

С ней продолжали бороться, фильмы оказывались на полках. Похоронили не на Пискаревском кладбище, как она просила, среди своих, а помпезно и вычурно на Литераторских мостках Волкова кладбища. «Дочерью русского народа» назвал её в своём последнем слове Д. Гранин.

В истории поэзии О. Берггольц осталась не только своей особенной интонацией, но и авторскими эпитетами («бессонный папиросный чад», «неубывающие свидания»), точными деталями («я живу между двух перекрытий, // в груди сложенных кирпичей...»); «Свистя, обратно падал на планету // мешком обледеневшим стратостат»).

Главным действующим лицом всех её текстов оставалась память: «Но даже тем, кто всё хотел бы сгладить // в зеркальной памяти людей, // Не дам забыть». Так пишет О. Берггольц, всегда откликавшаяся на самое значительное в жизни своего народа.

Бережно сохранённые дневники «жестокое время», 1939–1940 гг., письма этого периода, отрывки из второй части книги «Дневные звёзды» говорят о гражданском мужестве одного из ярчайших поэтов своего времени. Но разве могут устареть стихи, выражающие боль и страдание, любовь и ненависть, другие множественные чувства?